

АЛЪМАНАХЪ

№ 2

1919 г.

КАТУМ

1920 г.

34713 5
21821117033

А Л Ъ М А Н А Х Ъ

„О Д И“

№ 2.

А. Б., Александръ Гербсманъ, Н. Граціанская, Михаилъ Даниловъ, Владимиръ Зданевичъ, Дина Лейхтеръ, Майя, Лео Мирянинъ, Александръ Чачиковъ.

1920 г.

В А Т У М Ъ.

ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ СЕКЦИИ ОБЩЕСТВА ДЪЯТЕЛЕЙ
ИСКУССТВЪ (ОДИ).

14433

Т2570

356
356
356
356
356
356
356
356
356
356

О Г Л А В Л Е Н І Е:

	Стр.
1. А. Б. стихи	3
2. Александръ Гербсманъ стихи	4
3. Нина Граціанская стихи	8
4. Владимиръ Зданевичъ стихи	10
5. Дина Лейхтеръ стихи	11
6. Майя стихи	12
7. Александръ Чачиковъ Иранскія пѣсни	17
8. Михаилъ Даниловъ поэма „Нѣдра“	21
9. Лео Мирянинъ, рассказъ „Сестра“	26
«Поздней ночью» драматич. эпилогъ въ 1 дѣйствіи	31

Обложка работы художника Ливерія Базанкура.

А. Б.

Странники.

Устало склонивъ свои лица въ тоскъ,
Согнувши усталыя ноги,
Ихъ трое сидѣло на мертвомъ пескѣ
У края избитой дороги.

Быль юноша первый, мужъ зрѣлый второй
И старецъ согбенный быль третій...
Палиль имъ ихъ лица и спины ихъ зной
И руки висѣли, какъ плети.

Молчали всѣ трое... И каждый таилъ
Въ себѣ одинокія мысли...

И юноша думалъ: «Во мнѣ много силъ!»,
«Кто можетъ тѣ силы исчислить?!»

«Я вышелъ за счастьемъ и счастье найду!»
И думалъ, замкнувшись глубоко,

Мужъ сильный: «Поль жизни я отдалъ труду,
«А счастье все также далеко!»

И старецъ: «За счастьемъ пройденъ мой путь,
«Истрачена вся моя сила,

«Устала любить и жалѣть моя грудь,
«А тамъ, впереди, лишь могила!»

И долго сидѣли и каждый молчалъ,
И встали, прощаясь угрюмо...

И каждый другому, боясь, не сказалъ
Свою одинокую думу.

И только спросили: «Товарищъ, куда?»

И старецъ промолвилъ: «Я... въ горы!»

Мужъ сильный: «Зоветь меня въ море нужда!»

И юноша: «Къ людямъ я... въ городъ!»

Александръ Гербеманъ

Изъ поэмы «Грядущій»

Се, гряду скоро...
 (Откровение Св. Іоанна гл. 24, 12).
 Впереди—Исусъ Христось
 (А Блокъ... «Двѣнадцать»).

I.

Въ неизглаголемомъ молчаньи
 Непостижимыхъ звѣздныхъ рунъ
 Мерцаеть трепетно звучанье
 Разсвѣтомъ обагранныхъ струнъ.

Такъ шепчется камышь густѣя,
 Такъ плещется лѣсной затонь,—
 Воскреснувшаго Прометея
 Рождается предвѣчный стонъ.

Бурлящіе разливы лавы,
 Свергающіеся съ высотъ,
 Въ янтарные текутъ расплавы
 Медвянистыхъ пчелиныхъ сотъ.

Трепещутъ мѣдныя пластины
 Прозрачнымъ отгуломъ, лѣя
 Въ заплѣсчєвѣлая глубины
 Забвенія небытія.

Изъ тишины пещерной ночи
 Сверкаетъ вдругъ звѣриный рыкъ:
 То—обезумѣвшій, пророчій
 Слова твердитъ нѣмой языкъ:

— Извилинами бездорожій,
 Бѣгъ устремляютъ всѣ міры
 Катясь къ первоначальной дрожи
 Слѣпой божественной игры.

Потоками кипящей крови
Сухую землю оросивъ,
Поднимется отъ всѣхъ становій,
Отъ многоколосистыхъ нивъ

Неизменная донинѣ
Всеопьяняющая вѣсть,
И взвоетъ вѣтеръ изъ пустыни,
Чтобъ небесамъ ее вознестъ.

Молитвенные вспыхнуть клики;
Весь—осіянный и бозой,
Пройдетъ Мессія бѣлоликій,
Смерть вскинеть солнечной косой,

И запоютъ хрустально сферы
Сплетеныемъ хоровъ и огня;
И вѣнценосцы люциферы,
Кудрями змѣйными звеня,

Въ непостигаемой музыкѣ
Сольютъ всѣ звуки и цвѣта,
И пронесется въ трубномъ зыкѣ,
Что отверзаются Врата!

1919.

В ъ р у ю.

Подъ сводами древнихъ соборовъ.
Взнесенныхъ къ престолу молитвы,
Дрожу я, какъ загнанный боровъ,
Въ дыму темнопушнной ловитвы.

Громовые рокоты рога
И факелы въ свѣтѣ предвѣчномъ
Мнѣ чудятся въ пѣньи, что строго
Колышется жъ полымѣ свѣчномъ.

Иконы миѣ скалятся песьимъ
Пурпурово—бѣлымъ оскаломъ,
Колонны встають густолѣсьемъ,
Амвоны подобятся скаламъ.

Я чую дыханіе гончей,
Горячихъ ноздрей трепетанье...
Окончи, о Боже, окончи
Раба твоего испытанье.

1919. Тифлисъ.

Лѣсовье.

Людмилъ Г.

Средь извилинъ глухого лѣсовья
Отъ домовъ и людей я отвыкъ,
Схоронилъ подъ сосною любовь я,
Позабылъ человѣчій языкъ.

Вкругъ—лѣса, безъ конца, безъ начала,—
Навалились, обстали, душа
Въ полумракѣ дневномъ одичала
Полоненная чащей душа.

Жаркій запахъ дымящейся крови
Я вдыхаю, какъ прежде—духи.
Борода стала паклей и брови
Разрослись, какъ пещерные мхи.

Лишь порой, средь слѣпого кочевья,
Путеводнымъ въ ночи огонькомъ
Замаячить мнѣ марево дѣвье,
И бреду я, безвѣстнымъ влекомъ.

Мнится мнѣ, что за черною чащей
Вьется призракъ узывчивый—той,
Что спалила мнѣ сердце горячей,
Словно солнце весны, красотой.

Снога бьются забытые звуки,
Я рыдаю, молюсь, трепещу,
Пусть звѣрье пробѣгаетъ, но руки
Поднимать ослабѣли прашу.

1919. Батумъ.

Л и п а.

Идѣ Рейтманъ.

Липа цвѣтетъ. Голубымъ ароматомъ
 Вѣетъ вечерній, ласкающій воздухъ.
 Перепоясавшись рдянымъ закатомъ,
 Небо трепещетъ въ мерцающихъ звѣздахъ.

Пряно цвѣты воздыхаютъ въ июнѣ
 И расточаютъ свои изобилья.
 Бабочекъ сонмы, воздушныхъ плясуній,
 Къ свѣту стремлять переливныя крылья.

Въ сердцѣ неслышно поютъ серафимы,
 Сердце дрожитъ отъ неожиданнаго всхлида...
 Тихо почудился призракъ любимый...
 Пьяно цвѣтетъ густо листовая липа...

Июнь 1919. Тифлисъ.

Т е б ѣ.

Твой караванъ въ безлюдьи горномъ
 Раскинулъ широко свой станъ.
 Я колдовалъ надъ чернымъ горномъ,
 Чтобъ увидать твой ликъ, твой станъ.

Но ты ушла въ глухія дали,
 И тщетно я къ тебѣ бреду.
 О, если бѣ волхованья дали
 Мнѣ зрѣть тебя въ ночномъ бреду.

Да, ты ушла съ веселой свитой,
 И стонъ шаговъ любимой стихъ;
 И пѣсней, рыданьемъ свитой,
 Я озарилъ свой скорбный стихъ.

Пою: пусть смерть взмахнетъ косою,
 Пусть ночь прильнетъ къ груди, душа,—
 Тебя съ пылающей косою
 Въ послѣдній мигъ узреть душа.

1919. Тифлисъ.

Жемчуга.

Какъ много пѣнныхъ жемчуговъ
На днѣ моей души,--
Но жутокъ стонъ ночныхъ шаговъ
Въ болотистой глуши.

О, не ищи: затянетъ гладь,
Обманчиво—пестра,
И будетъ змѣйно обнимать
До самаго утра.

Такъ—въ тишинѣ зарницы грѣзь
Горять, какъ взоръ врага—
И вянуть тѣни лунныхъ ровъ
И меркнуть жемчуга.

1919. Тифлисъ.

Н. Граціанская.

С п и т е.

Спите, спите, спите всё вы,
Спите, спите, спите,
Я бросаю щедро сѣвы
На морскомъ гранитѣ.

Спите долго, спите вѣчно, —
Сонъ хранить мечты вамъ.
Вьется путь мой безконечно
По сѣдымъ извивамъ.

Спите долго, вы устали;
Тяжекъ сердцу холодъ,
Бьетъ мечи изъ старой стали
Мой жестокой молотъ.

Сните мертвые отнынѣ
Сказкѣ поцѣлуя.
Въ этой тягостной пустынѣ
Лишь одна живу я.

Лишь одна всегда одна лишь.
Вижу въ кольцахъ змѣя. —
Подползешь ли и ужаишь
Иль уснешь, нѣмѣя?

Нѣтъ! свернулся тяжело въ круги,
Спать. И всё вы спите.
Мертвы солнцу, мертвы вьюгѣ,
Мертвый сонъ храните.

* * *

Мнѣ все равно. Мнѣ все равно.
Все отлетѣло въ даль.
И только, въ ночь, въ мое окно
Стучить моя печаль:

— О, отвори! О, отвори!
Я вся подобна сну.
Съ тобой я буду до зари,
Лелѣя тишину.

Я прилечу и улечу,
Занѣжу, какъ мечта,
Прильну къ горячему плечу,
Ожгу твои уста.

И будетъ больно, какъ въ огнѣ,
Какъ въ обручѣ кольца.
И будетъ странно, какъ во снѣ,
И сладко—до конца.—

Мнѣ все равно. Мнѣ все равно.
Темна ночная даль.
Пусть бурной ночью мнѣ въ окно
Стучить моя печаль!

1917.

Владимиръ Зданевичъ

Изъ сборника «Воля побѣжденная».

V.

Звоните бубны—тѣшите сердце,
Еще вздымающее грудь,
Но заглушите страсотерпца
Предчувствій чувственную жуть.

Отъ протанцеванной лезгинки
Кинжалъ дрожить въ его рукѣ,
И образъ дамы кахетинки
Еще зеркалится въ клинкѣ.

Въ ея глазахъ прочтя приванье,
Почти любовную мольбу,
Мгновенно вспомнилъ вѣщей Тани
Въ родной деревнѣ ворожбу.

Въ чужомъ нарядѣ, на чужбинѣ
Себя хотѣлъ онъ обновить,
Пребывши долго въ паутинѣ,
Познавъ угла паучью нить.

Теперь же, вырвавшись на волю,
Онъ—прежній жалкій рабъ страстей
И старый гнетъ ярма неволи
Спѣшить пріять скорѣй, скорѣй...

Предъ волей вновь закрылись дверцы,
Откроетъ ихъ когда нибудь?
Звоните бубны—тѣшите сердце,
Еще вздымающее грудь.

Дина Лейхтеръ.

П и с ь м о.

Этотъ маленькій блѣдный конвертикъ
Торопливо надписанъ и загнутъ
И рука задрожавшая чертитъ
Незнакомыхъ узоровъ зигзаги.

Не сняла ни манти, ни перчатокъ
Руки дрогнули, шляпу отбросивъ.
Силъ не хватить его распечатать
И читать униженныя просьбы.

Что то шепчетъ изломанный почеркъ,
О давно позабытомъ твердить онъ.
Блѣдно синий изящный листочекъ
Не будетъ прочитанъ.

Блѣдно свѣтитъ мнѣ мѣсяць двурогій.
Несосчитаны дни и недѣли.
И конецъ непривѣтной дороги
Затерялся въ незримомъ предѣлѣ.

Безконеченъ мой путь каменистый.
Я иду въ непонятной дремотѣ.
Тихо звонить на шеѣ монисто,
И трепещуть по вѣтру лохмотья.

Все, что было забытымъ осталось.
Я иду къ неугаданной цѣли.
Что-же это?—Дремота, усталость?
Несосчитаны дни и недѣли.

М а й я.

Скерцо.

I.

Надышалась полынью и мятой,
Проводила солнце домой,
Опять по травѣ несмятой
Ступаю босой ногой.

—
Я люблю свое сильное тѣло,
Мнѣ не нужно бояться росы,
Я вчера у рѣки просидѣла
Всѣ ночные часы.

—
Никому это въ домѣ не странно:
Знають—радость въ душѣ принееу,
Только мать, если очень туманно,
Съ укоризной мнѣ гладить косу.

—
И насквозь я пронизана солнцемъ,
Каждый мигъ—вбираю еще.
Лицо отливаетъ червонцемъ,
Опустилось подъ зноемъ плечо.

—
Оттого жизнерадостно сердце—
Пусть и взглядъ опечалился мой...
Напѣваю любимое скерцо
И какъ солнце иду домой.

II.

Изъ бамбука ажурная бесѣдка,
И вьется виноградная лоза,
А рядомъ—дѣтскіе правдивые глаза,
Моимъ потухшимъ однолѣтки.

Нѣтъ! Не годами нужно душу мѣрить,
А радостью и болью въ день весны.
О лейся, исповѣдь послѣдней глубины,
Ведя къ послѣднему преддверью!

Зачѣмъ всю жизнь я чтить іероглифы?
Такъ нѣжны и понятны такъ цвѣты.
Вся мудрость праведныхъ въ блаженствѣ простоты.
И насъ блаженству учать мионы.

И, можетъ быть, онъ близокъ свѣтлый вѣстникъ,
И солнце, нежелающее мукъ.
Подснѣжникъ выведетъ изъ царства бѣлыхъ вьюгъ,
Чтобъ онъ услышалъ пѣсню—пѣсней.

III.

Какъ свѣтло и привольно, и тихо.
Я одна средь полей брожу.
Розовѣтъ вдали гречиха,
Проводить рѣзко между.

Въ небѣ жавронокъ, маленькій клоунъ,
Какъ безумный, кружить, голосить,
А я думаю все:—отчего онъ
Простилъ мнѣ горечь обидъ?

И хочу я не думать объ этомъ:
Каждый долженъ вѣдь радостнымъ быть!
Я хочу только солнца лѣтожь,
Кромѣ солнца—про все забыть!

...Я не знала, что будетъ жестоко
Быть правдивой. Онъ любить—простишь,
Теплый вѣтеръ подулъ съ востока,
И бреду я домой безъ силъ.

Я отъ поля и солнца устала
И со мной такъ много цвѣтовъ.
Мнѣ—сколько ни рву ихъ—все мало,
Какъ влюбленному нѣжныхъ словъ.

Александръ Чачиковъ.

Иранскія пѣсни.

I.

Тебѣ, Урмійскій вилайеть,
 Мои тоскующія строки;
 Тебѣ, паша съ лицомъ Куроки,—
 Кидаю сѣверный привѣтъ...

За озеромъ такъ грустно мнѣ
 Глядѣть на бѣлыя равнины;
 Твои дома изъ сѣрой глины
 Я вижу въ безпокойномъ снѣ...

Пусть ждетъ меня нашъ Мухсага
 Въ своемъ кальяновомъ покоѣ:—
 Когда разсѣтся пурга,—
 Приду въ шербетомъ залитое!..

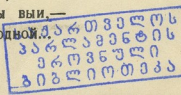
II.

Хвала тебѣ, муслиновый Моссуль,—
 Приютъ моихъ, давно ислѣвшихъ предковъ...
 Въ вечерній часъ о нихъ грущу нерѣдко,—
 Разбойной жизни позабывъ разгуль...

На правомъ берегу рѣки могучей,
 Оазисомъ взнесясь среди песковъ,—
 Ты зналъ побѣды пѣснь и гнетъ оковъ:—
 Надъ Тигромъ столько разъ смуглѣли тучи!..

За то, что прежде было Ниневіей,—
 Дрались правители между собой,—
 Бросая таборы въ послѣдній бой...

Они давно ушли, они вѣдь не живые,
 Но гордо-бронзовой не наклонилъ ты выи,—
 Мечтательный Моссуль, далекій и родной...

44233

T2570

III.

Я прославленъ за Гилянѡмъ
И въ отрядѣ Кучикъ-Хана
Самый дерзкій муджахидъ!..
Это, было въ сонномъ Рештѣ,
Кто-то крикнулъ: „Живо спѣшьтеся:—
Рыжій врагъ огнемъ падить!“..

У ржавѣющей арыки
Чуть притушенные крики...
Я гляжу:—ползеть Ахметъ..
Онъ—герой прошедшихъ схватокъ,
День его послѣдній кратокъ:—
Не помочь и амулетъ!..

Истекаетъ, бѣдный, кровью,—
Къ смерти ласковой готовый,—
И, прострѣленный, хрипять..
Будутъ плакать въ Ардебилъ:—
Черномазаго убили!..
Что ты сдѣлалъ, дальній бриттъ?!..

IV.

Блестить твоя иранъ—нишанъ,
А лента—лугъ зеленый...
Но почему, паша, твой станъ
Сегодня чуть согбенный?..

Иль, можетъ быть, грустишь сейчасъ
О Маріамъ—ханумъ,—
А блескъ ея бенгальскихъ глазъ
По—прежнему угрюмить?!..

Или враги доносъ строчать
И Шаху посылають
На сѣверь, въ этотъ дальній градъ...
О томъ ага не знаетъ...

И, разъяренный, шлетъ приказъ,—
Чтобы ушаръ собирали...
Гонцы, свершивъ нѣмой намазъ,—
Спѣшать въ сырыя дали...

V.

Въ зигзагахъ грязныя зрыки:—
Какъ—будто дуетъ кто въ мѣха...
Устала ждать я жениха.—
Заслышавъ утренніе клики...

Я помню:—прошлою весной
Али ушелъ на сѣверъ дальній...
Подобно сердце наковальи:—
Нервнѣ слышенъ перебой...

Али! тоскуетъ твой джейранъ:—
Чадра—свидѣтельница горя...
Провѣдала я въ разговорѣ:—
Позналъ ты радость новыхъ рань...

Молла сзываетъ правовѣрныхъ...
Востокъ напоминаетъ лалль...
Шакаль ребенкомъ простоналъ...
И я иду, съ печалью мѣрной...

VI.

Заснулъ измученный возница...
Но вотъ зеленоватый домъ,—
Гдѣ я, подстрѣленная птица,—
Познаю страсти водоемъ...

Ковры тавризскіе влекутъ
На пестро бархатное ложе...
Желаній потушить не можемъ,—
Считая долгій рядъ минутъ..

Серебряннѣй клинки оружья,—
Развѣшеннаго на стѣнѣ ..
Сегодня ласково недужить,—
Забывшись въ мягкомъ полуснѣ!..

Одной любви ужели мало,—
Что мнѣ подаришь въ полумгнѣ?!..
Тогда приду къ тебѣ, усталый,—
И мы закуримъ наргиле...

Михаиль Даниловъ.

Н ѣ д р а.

Поэма.

«Черная Злоба
кипитъ въ груди»
(Ал. Блокъ)

I.

Въ черныхъ нѣдрахъ—гулкій грохоть,
Въ черныхъ нѣдрахъ—шарпъ ремней,
Въ черныхъ нѣдрахъ лязгъ и рокоть,
Въ черныхъ нѣдрахъ жуткій ропоть,
Скрежетъ зубьевъ блескъ огней.
Въ красныхъ отблескахъ нагія груди,
Жгучимъ пламенемъ руки лижутся...
Сонмъ циклоповъ здѣсь или люди
Въ полумракѣ багровомъ движутся?
Пышутъ жаромъ палящимъ жерла
Въ твердопламень вонзились долота,
Съ острымъ визгомъ буравятъ сверла,
Грузно бухая плющатъ молоты.
И хрипятъ осиплая горла.

II.

«По гудкамъ, по свисткамъ, по звонкамъ
«Рабью жизньъ кто то четко размѣтилъ,
«Мы прикованы рокомъ къ станкамъ
«И для насъ день давно ужъ не свѣтелъ!»

III.

«Узловатой изнывшей рукой,
«Ѣдкой пылью лицо свое смугля,
«Груды черного, тяжкаго угля
«Отбиваю двузубой киркой.
«Въ тѣлшу бью я до боли въ плечахъ
«Пласть блестящій долблю слой за слоемъ...
«Лежа скорчась въ тѣснинахъ забоевъ
«Въ тьмѣ промозглой ослѣпъ и зачахъ!»

IV

«Въ глубинѣ рѣшетчатой коробки
 «Угорѣлый, потомъ жгучимъ съѣденъ
 «Я,—невольникъ негасимой топки,
 «Копошусь измученъ, золь и блѣденъ.
 «Весь измазанный въ прогоркломъ маслѣ,
 «Въ существо одно съ лопатой сросся...
 «Отъ летучихъ искръ гл за погасли
 «И навѣки вывихнуты кости!»

V.

«Громоноснымъ, тяжкимъ молотомъ
 «Раскаленную змѣю
 «Я на пнѣ полурасколотомъ
 «Въ свивы огненные вью.
 «И изгибы ихъ затѣйные
 «Въ кольца, стиснувъ зубы, гну
 «Въ цѣпь глухую, огневѣйную
 «Я звено крѣплю къ звену!
 «Въ полыханьи алыхъ отсвѣтовъ
 «Въ кандалы я закую
 «Жизнь кромѣшную безъ просвѣта
 «Жизнь проклятую свою!»

VI.

«Подъ запѣтые звуки „дубинушки“,
 «Безконечный канать волоча,
 «Мы бредемъ... Изогнулись спинушки
 «И мозоли саднять на плечахъ.
 «Съ искаженными хмурыми лицами
 «Мѣрнымъ шагомъ натруженныхъ ногъ
 «Мы идемъ, мы идемъ вереницами
 «Изрывая зыбучій песокъ!»

VII.

«Для другихъ, ненавистныхъ другихъ,
 «Умирая рождаясь, дряхлѣя,
 «Мы толпою циклоповъ нагихъ
 «Въ нѣдрахъ трудимся, злобою зрѣя.

«Сгорбивъ спины и шеи склонивъ
 «Подъ гнетущею тяжестью ига,
 «Мы рѣстимъ громоверзající взрывъ
 «Для могучаго, страшнаго сдвига.
 «Искупить наболѣвшая кровь
 «Горечь мукъ и обидъ неизбытыхъ...
 «Ризы черныя скорби готовъ
 «Разумъ, ставшій наперникомъ сытыхъ!
 «Много насъ! Вѣколѣтья не счесть!
 «Крикомъ сдушеннымъ полнятся груди!—
 «Мы циклопы, циклопы—не люди,
 «Но мы грезимъ о солнечномъ чудѣ
 «И лелѣемъ нещадную мечь!»

VIII

Красные стяги.—Людно на улипахъ...
 Говоръ... Шумиха... Нестройные гимны...
 Всѣ какъ отъ солнца отъ счастья щурятся...
 Лица сияють... Улыбки—наивны...
 Счастье лучится вокругъ свѣтозарно...
 Многоголовое зыблется вѣче.—
 Тысячеусто робко—угарныя
 Молвятся рѣчи...
 Толпы роятся существъ мягкотѣлыхъ...
 Радость безкрылая вяло трепещеть

Въ черной бездонности нѣдръ закоптѣлыхъ
 Прохоть извѣчный смолкнетъ зловѣще...

IX.

Изъ зіяющей глуби колодцевъ,
 Отъ горнилъ негасимыхъ печей
 Тьмы и тьмы полузрячихъ уродцевъ
 Выползають къ сверканью лучей.
 Онѣмѣвшія руки повисли,
 Взмахъ гремѣщій прервавъ сторяча,
 И мерцаніе тлѣющей мысли
 Засвѣтилось въ померкшихъ очахъ.

X.

Пасынки хилые жизни!
 Межъ разорвавшихся тучъ
 Золото ткеть въ голубизнѣ
 Яркій, невѣдомый лучъ!—
 На четверенькахъ и волокомъ
 Къ солнцу! Развернулся колоколь
 Бухнулъ утопленный колоколь
 Нѣдра призвавший на бунтъ!

XI.

И набата гуду внемля
 Неизсчитно многоногъ,
 Громозвучный кликъ подъема,
 Изъ проваловъ нѣдръ на землю
 Бурный вырвался потокъ.
 Радость жалкаго безсилья
 И урчащихъ сытыхъ чревъ
 Смялъ въ комочекъ безъ усилья
 И развѣялъ сѣрой пылью
 Безпошадный красный гнѣвъ!

XII.

Огнепоклонцы!
 Въ борьбѣ за солнце
 Въ борьбѣ за счастье—жизнь или смерть.
 Въ борьбѣ кровавой
 Гибнетъ со славой,
 Кто не посмѣетъ руки простерты!

XIII.

Разогнувши изнывшія спины
 И свободно грудьми задышавъ,
 Къ свѣту ринулись тѣмы исполины,
 Всѣ преграды ломя и круша!
 У оградъ раззолоченныхъ капищъ
 Встрѣтятъ чудища бывшихъ рабовъ.
 Но не страшно терзающихъ лапищъ
 И оскаловъ гнѣющихъ зубовъ!..

Въ злобныхъ душахъ окрѣпла отвѣга,
Пали ржавыя пути оковъ,—
Вѣдь назадъ ни одинаго шага
Имъ не сдѣлать вовѣки вѣковъ!
Кровь кипящая выбрызнетъ щедро,
Возопивъ къ небесамъ отъ земли!..

Всемогущій! Мятажащимъ нѣдрамъ,
Богатырскую мощь ниспошли!

XIV.

Алый мракъ затмитъ на время солнце,
Ветхій міръ заплещется въ крови
Пряха, бди! Въ потемкахъ съ веретенца
Тощей пястью нити жизней рви!..
Пустъ ручиться кровь, мѣшаясь съ желчью,
Червоня истоптанную новъ:
Злоба черная, скрежещущая, волчья
Претворится въ братскую любовь.
Пусть звенитъ разящее желѣзо,
Пусть кружится вихремъ черный снѣгъ:
Изъ глубинъ сочащагося взрѣза
Народится свѣтлый человѣкъ
Пусть жирѣютъ гробовыя слизи,
Тьмы чудовищъ рыскають урча!..

Минетъ Хаосъ.. Искристо лучась
Вспыхнетъ свѣточъ лучезарной жизни!

Лео Мирянинъ.

Сестра.

За окномъ полночный вѣтеръ гнетъ и колеблетъ голыя вѣтви. Окостенѣвшіе, черные пальцы, царапають стѣну, хрустятъ, скрипятъ. Кажется, будто, прижался кто-то къ стѣнѣ и огъ стужи скрипитъ зубами и стонетъ тяжело...

Стонетъ...

Вотъ опять стонетъ, зоветъ:

— Сестра, сестра!

Вдрогнула. Очнулась. Спала? Забылась? Нѣтъ, какъ будто, нѣтъ. Стрѣлка на часахъ чуть-чуть передвинулась. Значить спала — всего мгновение, всего минуту... Вѣки слипаются и видно и не видно, тають усталыя мысли. Только напряженный слухъ улавливаетъ:

— Сестра, сестра!

Стонетъ...

Встала. Подошла. Участливо склонилась.

— Мнѣ страшно... страшно одному. Не уходите, сестра...

Руки просительно поднялись и упали на одѣяло.

— Все еще ночь? не кончится никогда... когда же утро?.. Сестра, я во снѣ вдругъ почувствовалъ, все понялъ.

Теперь я знаю, самъ знаю. Боже какъ жарко... ахъ, жарко не могу такъ... хоть бы до разсвѣта дожить... Сестра, неправда ли сейчасъ июль или можетъ быть на ало августа, да? Въ саду прохладно, тѣнь. Докторъ говорилъ, что скоро разрѣшить въ садъ. А здѣсь нестерпимо жарко, я измучился, не могу больше.. я встану, я хочу уйти отсюда...

Приподняся на боку, сиделся сдѣлать движеніе — не смочь.

— Лежите, родной, лежите. У васъ жарь, а вы въ садъ захотѣли... Вылежать надо, пройдетъ... терпите, милый...

— Пить, пить...

Голова сползала съ подушекъ, глаза згорали.ь и г.сли въ опаловой мути зрачковъ.

Нащупала пульсъ. Бьется, бьется, быстро, безпорядочно, оборвется на мигъ, и снова стучить, стучить.

Тихо высвободила руку. Позвонила. Гдѣ то стукнула дверь.

Стонетъ вѣтеръ Въ саду кучку опавшихъ листьевъ съ сухимъ шумомъ катить изъ стороны въ сторону...

Въ черной рамѣ двери заблѣлль фельдшеръ въ халатѣ. Стоитъ, шатается, еще пьяный стъ сна.

— Ниль Петров чъ, будите доктора.

— А что, развѣ..

— Ниль Петровичъ, надо скорѣе...

— Ругать будутъ еслн напрасно...

— Фокусь, пульсъ ужасный... не справлюсь сама... температура...

— Пойду,

— Идите, идите.

— Эхъ, пойду..

Поправила подушки, подняла конецъ одѣяла:

— Вотъ сейчасъ докторъ придетъ, потерпите, голубчикъ, еще немного... легче станетъ...

Говорила и знала, что не нужны слова, не вѣрны, лишни...

— Спасибо, сестрица. Спасибо—прибавилъ тихо—Я вамъ спать не даю, измучилъ васъ, идите къ себѣ, я сбoidусь..

Но пальцы снова судорожно забѣгали, мяли и комкали складки одѣяла Жгла подушка раскаленнымъ желѣзомъ — затылокъ и щеки ..

— Я не могу, поймите, я не могу: мнѣ больно...

Въ тишинѣ бѣлой комнатки страшнѣе быть пронзительный выкрикъ, какъ одинокъ и безнадѣженъ вопль заблудившагося.

Крикнущъ и замеръ

Свѣтъ лампы, какъ нимбъ, ложился вокругъ его головы. На лбу капли пота раскиданы жемчугомъ, блестятъ.

У постели стала сестра, ждетъ и слушаетъ: не идетъ ли докторъ, а на бѣлой стѣнѣ четко повторенная тѣнь: опущенная голова, страдальчески сплетенныя руки...

Бредить. Губы шепчутъ полуслова, полувздохи...

— Инна обѣщала... придетъ... Она сдержитъ слово... Придешь, Инна? Дѣ?... Розы въ саду... Твои стихи и розы.. Я помню все, все.. я ничего не забылъ, ты любила... „въ моемъ салу мерцали розы... мерцали розы бѣлыя“...

Вдругъ, приподнялся на локтяхъ, радостными, улыбающимися глазами посмотрѣлъ на дверь. Лицо озарилось, будто сразу брызнули яркими, играющими солнечными бликами.

— Инна, Инна, пришла, наконецъ, сжалилась... Инна, счастье мое, вѣточка моя пахнущая! Вспомнила... Иди ко мнѣ, иди ближе... дай руки, видишь, какъ я радъ, какъ я безумно доволенъ .. хочешь, я безъ счета стану погорячать — Инна, Инна! хочешь, я буду пѣть — Инна, Инна! я буду славить твое имя...

— Бога ради, ложитесь .. вѣтъ нельзя шевелиться..

— Я здоровъ, я совершенно здоровъ, я полонъ силъ... Протяни руки... Мы пойдемъ вмѣстѣ, какъ

тогда, въ послѣдній разъ. Ломнишь? Вода въ лунныхъ блесткахъ, деревья въ голубыхъ дымчатыхъ тѣняхъ .. мерцаютъ розы бѣлыя... мерцаютъ розы бѣлыя — и алыя.. и губы, губы твои алыя... цѣлуй, скорѣй цѣлуй меня. .

— Лежите, ну что такое, право, повязка сой-детъ... ложитесь же...

-- Обними меня, сильнѣе, прижмись...

— Пустите руки.

— Не пущу, нѣтъ... я хочу, я хочу тебя...

Поймалъ ее руки, притянулъ, привлекъ къ груди, горячими, сухими губами цѣловалъ плечи, шею глаза, губы, цѣловалъ торопливо, еъ лихорадочномъ порывѣ, съ дрожью въ тѣлѣ, съ дрожью въ сѣкущемся голосѣ .

— Инна, моя, моя...

— Оставьте, пустите. Ниль Петровичъ! Ниль Петровичъ, помогите!..

За запертой дверью неслышно ее. Цѣпки объятія, не вырваться...

— Пустите ..

— Цѣлуй крѣпче, больнѣй, мы уйдемъ отсюда, далеко, высоко къ утреннимъ тучкамъ, гдѣ легко, легко...

— Пустите...

— Инна..

— Пустите

Цѣпки объятія въ корчахъ смерти, сильно последнее желаніе, послѣднее велѣніе, какъ ярка и мгновенна послѣдняя вспышка догорающаго костра.

Чужое имя, чужія трепетныя ласки зажгли, захлестнули съ головой теплой, какъ кровь, волной и унесли въ плывущей истомѣ.

Подогнулись колѣни. Упала. Звенить въ ухахъ,
звенить серебрянный колокольчикъ

Ночью былъ дождь. Прошлѣ. Съ мокрыхъ вѣ-
токъ медленно соскальзываютъ и падаютъ капли на
черную отъ влаги землю

Въ сѣрыхъ сумеркахъ утра, въ тѣни угла едва
видно: голова упала на руки, пальцы закрываютъ
лицо. Сидитъ скорбившись, безъ движенія, часами
не меня положенія.

И снова въ ухахъ привычное:

— Сестра, сестра!..

Вдругъ, сразу встала на ноги:

— Что, что?

Машинально поправила сбившійся въ сторону
апостольникъ, приладила прядь выбившихся волосъ,

— Сестра, придите въ себя, что съ вами...

Непонимающими глазами посмотрѣла вниматель-
но на тусклые стекла очковъ доктора, взглянула
дальше мимо его головы... Видѣла спины Ниль Пет-
ровича и двухъ другихъ, мѣрнымъ шагомъ унося-
щихъ носилки.

Съ носилокъ свисала рука, такая безпомощная,
такая не живая...

Не успѣла подумать или сказать. Въ головѣ
всплыли круги, круги, круги задвигались, смѣшались
и неожиданно, словно, унесло куда то

.

Д Р А М А .

Лео Мирянинъ

Поздней ночью.

Драматич. епизодъ въ 1-мъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

Нелли.

Викторъ Авдѣевъ.

Клавдія, горничная Нелли.

Сцена представляетъ спальню—будуаръ. Подъ бѣлымъ пологомъ кровать, приготовленная на ночь.

Нелли, въ бѣломъ пенюарѣ, долго, неподвижно стоитъ у окна. Затѣмъ опускается въ кресло и тихо, беззвучно плачетъ. Черезъ мгновенье, какъ бы принявъ какое то рѣшеніе, она быстро подходитъ къ столику, зажигаетъ лампочку и быстрыми, торопливыми движеніями пишетъ письмо.

Свѣтъ луны озаряетъ часть комнаты, четко вычерта на полу узоръ занавѣса и раму широкаго окна.

Оттого, что тучи временами набѣгаютъ на луну въ комнатѣ темнота и свѣтъ чередуясь создаютъ тревожное, нервное настроеніе.

Явленіе 1-е.

Нелли (звонить и ждеть)

Клавдія (входитъ) Барыня!

Нелли (не замѣчая, вошедшей Клавдіи)

Клавдія. Барыня, звали?

Нелли. (вдругъ) Что? А? Ты клавдія! Да, звала. Бѣдная, я тебѣ спать не даю. Вотъ что, Клавдія, надо сейчасъ же, не медля доставить это письмо Авдѣеву.

Клавдія. Съ кѣмъ послагъ. Второй часъ. Всѣ давно легли.

Нелли. Съ кѣмъ хочешь. Необходимо сейчасъ-же. Иначе нельзя. Пусть кучеръ поѣдетъ, сначала въ клубъ, потомъ къ нему...

Клавдія. Господинъ Авдѣевъ общали, сами сейчасъ здѣсь будутъ...

Нелли. Этого-то я боюсь. Пока не поздно надо предупредить. Во что бы ни стало. Ну милая, сдѣлай для меня... Ты можешь.

Клавдія. Позвольте, я сначала на телефону справлюсь?

Нелли. Да, да. Хорошо. Только, ради Бога, торопись, скорѣе. (Клавдія уходитъ. Слышно какъ она звонитъ, говоритъ въ трубку. Нелли, напряженно вслушивается, стараясь уловить слова. Ее поза, жесты выдають крайнее волненіе, борьбу)

Явленіе 2-е.

Клавдія (входитъ)

Нелли. Ну, что?

Клавдія. Говорятъ, двадцать минутъ, какъ уѣхали.

Нелли. Откуда?

Клавдія. Изъ клуба...

Нелли. Боже мой! Онъ сейчасъ будетъ здѣсь. Онъ сейчасъ позвонитъ, я знаю. Ну, что дѣлать? Я не хочу, не хочу...

Клавдія. Почему, барыня, беспокоютъ себя..

Нелли. Если бы ты знала, Клавдія, какъ мнѣ плохо, какъ я мучаюсь.. (вдругъ)

Дай мнѣ одѣться, скорѣе, скорѣе, чтонибудь накинуть... я поѣду къ Незимскимъ ночевать...

Клавдія. Лучше дома отстаться... примите аспиринту легче будетъ, голова пройдетъ... (Въ передней слышемъ звонокъ)

Нелли. (вздрагиваетъ—застываетъ въ ужасѣ) Онъ, уже...

Клавдія. Наверное они... Сказать чтонибудь или принять...

Нелли. Нѣтъ, нѣтъ, не принимай... Поли, скажи, что легла спать, что больна... ахъ, больна, это хуже—онъ не удержится, придетъ.. Не знаю, ну сама, что хочешь скажи, выдумай чтонибудь, только не приводи.. (снова звонокъ).

Клавдія. Такъ итти?

Нелли иди...

Кладія. Слушаюсь... (идеть)

Нелли Постой, погоди... Ахъ, что мнѣ дѣлать.. Ну, посоветуй, Клавдія помоги, видишь какъ я потерялась

Клавдія. Сами лучше знаете, милая барыня.

Нелли Ахъ, если бы я знала.

Клавдія. Безъ нихъ не можете и съ ними тяжело... привычка сильная... трудно, конечно... такъ, итти?

Нелли. (послѣ короткаго размышления) Иди, открой.. Пусть придетъ. Пусть. Такъ лучше. Надо же когданибудь рѣшиться, все высказать, узнать, потомъ оборвать, вырвать изъ сердца... навсегда... Иди, Клавдія.

Клавдія (уходитъ)

Нелли. (одна. Быстрымъ движеніемъ вытираетъ слезы, направляетъ прическу у зеркала).

Явленіе 3-е.

Викторъ. (почти вбѣгая) Здравствуй, Нелли. Клавдія передавала, что ты себя плохо чувствуешь. Правда? Руки горячія жаръ? Что съ тобой? Что ты такая грустная, притихшая? Нелли сердится, что я опоздалъ, да! Ну улыбнись, хорошая, покажи лицо, оно сегодня не сіяетъ.

Нелли. Мнѣ нездоровится.. Мнѣ худо... мнѣ очень тяжело.

Викторъ. Хочешь, я позвоню доктору?

Нелли. Нѣтъ, не надо.

Викторъ. Ну такъ я домашними средствами. Вотъ я расцѣлю твои глаза и лобъ и какъ рукой сниметъ. Помнишь, ты называла это радикальнымъ средствомъ противъ мигрени. (Притягиваетъ къ себѣ, хочетъ поцѣловать).

Нелли. (Отстраняя его) Не надо.

Викторъ. Не надъ? Чгобы я не цѣловаль тебя? Это что то новое? Ты меня удивляешь Ну, скажи, не скривай. Я ужъ вижу тутъ безъ меня что-то произошло, какая то перемѣна. Посмотри на меня, покажи глаза. Что такое? Ты плакала? Ты? Почему? Твои глаза въ слезахъ? (ласка етъ ее) Милая, моя дѣточка. Маленькая, кто посмѣлъ обидѣть тебя? Попадись онъ мнѣ сейчасъ я бы ему такое...

Нелли (подается ласкамъ, плачетъ у него на груди все сильнѣе, безудержнѣе).

Викторъ. Перестань плакать. Объясни толкомъ скажи въ чемъ дѣло... Плачешь такъ слозно по умершему... Перестань..

Нелли. (сквозь слезы) По умершему, ты правъ да по умершему..

Викторъ. Не пойму, откуда это мрачное, отчаянное настроене у тебя. Что за причина? Ну, будетъ плакать. Дай, я вытру слезы..

Нелли. Оставь, отойди.. О какъ ты хорошо изучилъ меня. Вкрадчивымъ голосомъ мѣжнымъ именемъ снова околдуешь, возьмешь меня.. Не касайся меня, не подходи. Челчасу тому назадъ я ненавидѣла тебя Я проклинала день встрѣчи съ тобой и вотъ чуть было опять не подчинилъ..

Викторъ. Нелли, да тебя подмѣнили. Скажи откровенно, наговорили на меня или..

Нелли. О, нѣтъ, не то, не то совсѣмъ...

Викторъ. Такъ что же, не томи, объясни. Еще вчера наше му счастьемъ позавидовали бы.

Нелли. Не лги, не лги, какъ всѣ. Не лги хоть сейчасъ. Это невыносимо.

Викторъ. Хорошо. Я буду молчать до тѣхъ поръ, пока ты не успокоишься...

Нелли. (вытирая слезы) Садись, Викторъ, и слушай. Я много думала о насъ, о нашихъ отношеніяхъ... Я измучилась, устала... Больше я не могу такъ жить. Жить минутой счастья, часами жесточайшихъ страданіи. Понимаешь, мнѣ надо было раньше, сначала выяснитъ это..

Викторъ. Не томи...

Нелли. Я все скажу, постепенно... Это очень серьезно...

Викторъ. Но въ чемъ мое вина?..

Нелли. (подчеркивая) Я должна, я хочу видѣть твое сердце... Молчи пока, не спрашивай ничего.. Вчера послѣ твоего ухода я не сомкнула глазъ. Я вею ночь не спала, я думала о тебѣ, о насъ. Вчера, какъ то сразу поняла, вдругъ какъ то мнѣ стяло ясно, до ужаса до сумасшествия, ясно и просто. Ты меня не любишь. Молчи пока, молчи, вы-

слушай... Сомнѣнія, что грызли меня весь мѣсяцъ—разсвѣлись. Первой моей мыслью было бѣжать отъ тебя, бѣжать безъ оглядки, чтобы не видѣть тебя больше, чтобы не пережить вотъ эту минуту, этотъ разговоръ, но не успѣла, не сумѣла... Я потеряла голову, я дошла до того, что совѣтовалась съ Клавдіей. Теперь же я хочу все знать, я хочу знать кто ты, я хочу видѣть твое сердце. Понимаешь? О, съ какимъ бы наслажденіемъ я бы извлекла твое сердце и какъ анатомъ, держа въ рукахъ, жестоко бѣ пошарила въ немъ, покопалась бы во всѣхъ углахъ, чтобы знать, наконецъ, что въ немъ, какое оно. Я хочу, чтобы и тебѣ было больно, потому что я люблю тебя. . Люблю тебя! Господи, почему эти слова такъ испошлены, почему именно эти слова у всѣхъ на устахъ, или нѣтъ другихъ словъ, или они блѣдны, чтобы высказать всю силу моихъ чувствъ. Теи мѣсяца я какъ въ угарѣ, какъ одержимая, мучаюсь тобой. Ты пришелъ—заслонилъ прошлое, будущее, а настоящее заполнилъ собой... Я молилась гляд на тебя.. Въ жизни всѣхъ насъ много пучтогъ, суетнаго, мимолетныхъ, обманчивыхъ увлеченій и пусть даже грязь прошлаго пристала ко мнѣ, но каждой женщинѣ разъ въ жизни долженъ встрѣтиться тотъ одинъ, котораго она ждетъ, какъ неизбежное, въ смутныхъ вредчувствіяхъ, долгихъ исканіяхъ... Я тебя ждала. Викторъ, я тебя люблю. Я хочу лишь тебя, тебя одного. Я хочу тебя одного, цѣликомъ, всего, всего до послѣдней мысли... Я хочу все твое сердце, нераздѣльно. Я такъ люблю, если люблю. Я такъ тебѣ отдалась... И ты, ты при всей твоей чуткости не замѣтилъ чуда и прошелъ мимо.. Въ первый же часъ ласки, инстинктомъ женщины я сразу подмѣтила въ тебѣ не то сдержанность, не то холодность, чего никакъ не могла понять. Пока ты бывалъ со мной мнѣ было хорошо, спокойно, я гнала отъ себя подозрѣнія, но стойло тебѣ уйти, какъ твои слова, твои жесты, нервное настроеніе начинали казаться мнѣ странными.. Я видѣла въ нихъ тайну и мучалась, чтобы раскрыть ее во что бы то ни стало. Какія это были пытки! Но вчера, вчера ты выдалъ себя. Притворство всегда ловится Я сама не знаю, что я видѣла въ твоихъ глазахъ, что они мнѣ открыли... Застывшіе, скорбные, мутные смотрѣли на меня и не видѣли меня... И это тогда въ минуту невыразимаго блаженства, когда все, все земное забывается до головокруженія до потери сознанія, когда одно несравненно сладостно-мучительное ощущеніе поднимается, какъ

въ экстазѣ, когда я вся стремление, неудержимое влечение, слиться съ тобой, прильнуть къ тебѣ, стать тобою—раствориться въ тебѣ песчинкой въ океанѣ ты, ты со мной—но не горишь отвѣтнымъ огнемъ и будто въ тебѣ кто-то чужой чутко сторожить твое желаніе укрощаетъ твой пылъ, убиваетъ счастье обладанія. Почему это такъ? Почему ты такой? Ты долженъ сейчасъ сказать, потому что это назрѣло. Говори, ты любишь другую? Говори! Или любишь всѣхъ, какъ меня.

Викторъ. (слабо) Какъ?

Нелли. Полусердцемъ, получувствомъ, издѣваясь.

Викторъ. (вставая) Нелли, если ты еще другъ мнѣ, пожалѣй, не спрашивай дальше.. Я завтра, послѣ готовъ на все, это такъ неожиданно свалилось. Тяжело, слишкомъ тяжело.

Нелли. А мнѣ не тяжело? Ты не видишь развѣ, что я испытываю эти дни... Нѣтъ, сегодня, только сегодня. Я сказала, я хочу видѣть твое сердце.

Викторъ. Нелли, прошу, завтра казни меня. Приговоренному дакъ ночь на молитвы и приготовления.

Нелли. Нѣтъ сегодня.

Викторъ. Неумолима, Жестока.

Нелли. Какъ ты.

Викторъ. Тебѣ надо успокоиться—обдумать положеніе.

Нелли. (послѣ долгой паузы) Садись, Викторъ. Отвѣчай, ты много разъ любилъ?

Викторъ. (повинуется) Въ жизни разъ любялъ, ты сама сказала.

Нелли. Давно?

Викторъ. Давно, очень давно, въ юности, въ свѣтлые дни юности. (Нелли хватается за сердце, опускается въ кресло). Что стобой? Тебѣ худо? Выпей воды.

Нелли. Ничего, говори дальше.

Викторъ. Можетъ, быть не надо.

Нелли. Говори... я слушаю. Она умерла?

Викторъ. Не знаю.

Нелли. Гдѣ она?

Викторъ. Не знаю. Я не видѣлъ ее болѣе десяти лѣтъ.

Нелли. Такъ что же было?

Викторъ. Судьба неллю раздѣлила насъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль нашего знакомства она должна была внезапно уѣхать. Сначала писала, но письма затерялись. Я поухаль къ ней, мы разошлись въ дорогѣ. Такъ я потерялъ ее изъ виду. Справлялся гдѣ могъ, спрашивалъ всѣхъ—

не суждено было. Я больше ее не видѣлъ... Ни разу... Мнѣ трудно описать, что я перенесъ тогда. Мнѣ казалось, что кто то злой, мстительный, бурей ворвался въ мой цвѣтушій садъ любви—обломалъ молодые побѣги, развѣялъ по вѣтру лепестки. Мнѣ 30 лѣтъ, посмотри, виски бѣлѣютъ сѣдиной. Люди отъ неожиданнаго горя теряютъ разумъ, или у нихъ отнимаются руки... У меня сердце отнялось. Сердца нѣтъ. Тоска паукомъ засѣла въ немъ и сидитъ. И съ тѣхъ поръ вотъ я такой, обезкрыленный, безразличный. Нѣтъ желанія желать. На душѣ, какъ въ осеннюю непогодицу, слякоть непроходимая (нѣкоторое время молчить).

Нелли. Дальше,

Викторъ. Что же дальше. Годы уходили. Жизнь прошла. Надежда смѣнялась отчаянiемъ, я все не могъ свыкнуться съ мыслью, что не встрѣчусь съ ней больше. Временами смѣшная ребяческая увѣренность, что мы должны еще разъ свидѣться, наполняла меня такой энергiей, что мѣсяцами, какъ манякъ, какъ вѣчный жидъ, безъ сна, безъ отдыха перекочевывалъ изъ города въ городъ, искалъ ее всюду: въ театрахъ, на вокзалахъ, въ скверахъ, пассажирахъ, въ уличной толпѣ—напрасно. Она была потеряна для меня навсегда. Ночью, разбитый, въ купѣ вагона или въ чужой постели отеля я звалъ ее, я вспоминалъ всѣ нѣжныя имена, какими ласкалъ ее когда то и распаленное воображенiе такъ живо, такъ реальчо рисовало, что я чувствовалъ ее вблизи себя—я осязалъ ее. Обѣими руками бралъ ее голову и наклонивъ, притянувъ къ себѣ долгимъ поцѣлуемъ касался блѣдныхъ губъ... Слезы умиленiя теплыми струйками катились по щекамъ... (умолкъ,—какъ бы отдался воспоминанiямъ).

Нелли. (весь разговоръ слушаетъ съ состраданiемъ и тихо по матерински гладитъ его по головъ) Бѣдный мой, Викторъ, бѣдненькiй, что ты вынесъ (оба молчатъ въ раздумьѣ, но вдругъ Нелли встаетъ и грозная подходитъ къ Виктору). Но какъ же ты могъ, какъ посмѣлъ съ похолодѣвшимъ сердцемъ, съ поцѣлуемъ мертвеца придти ко мнѣ, искать моей любви... Ты долженъ былъ бѣжать отъ меня... Неужели же ты не замѣтилъ сразу какъ я привязалась къ тебѣ, неужели не видѣлъ, что съ перваго дня я живу, дышу тобой... Я не блудница, не ради голой страсти отдалась тебѣ. Что ты сдѣлалъ со мной? неужели не понимаешь? Такъ безжалостно, безпощадно разбить чужую

жизнь. Все лучшее, чистое, нетронутое, что я смогла сберечь, какъ драгоценности въ шкатулѣ — все выкрадено, отобрано. Что мнѣ осталось еще? Ну самъ скажи что? Какъ теперь жить?

Викторъ. (послѣ паузы) Я знаю, да, да.. Я согрѣшилъ, какъ никто до меня я не хочу пощады, позволъ лишь досказать...

Нелли. Ты все сказалъ

Викторъ. Выслушай еще.

Нелли. Довольно, довольно. У тебя нѣтъ оправданій.

Викторъ. Я невыносимо страдалъ. Я былъ страшно одинокъ и мнѣ измученному такъ хотѣлось еще любви, родной души, материнскихъ утѣшеній. Въ долгихъ поискахъ среди тысячи глазъ, въ которыхъ я думалъ найти ее, только твои глаза, твои тихіе каріе глаза такъ напомнили ее, что я слабый, немощный поддался. Повѣрь, я никогда, никогда не ожидалъ такого конца. На твой щедрый даръ не въ силъ хъ былъ отвѣтить тѣмъ же... Прости, прости (опускаетъ голову, закрываетъ лицо руками, плачетъ).

Нелли. (шатаясь подходитъ къ шкафчику, достаетъ граненный флакончикъ, который въ ея рукахъ блеститъ бриллиантомъ. Замѣтивъ движеніе Виктора прячетъ флаконъ. Говоритъ другимъ тономъ, какъ бы успокоившись) Завтра, съ утреннимъ поѣздомъ я ѣду. Время и разлука, говорятъ лучшей врачъ... Буду лѣчиться отъ тебя (пауза). Голова какъ болитъ. Сердце сейчасъ разорвется. Посмотри Викторъ, какъ оно колотится. Тѣсно ему тамъ. Дай руку. Вотъ сюда (нѣкоторое время держитъ его руку у сердца и вдругъ съ прежнимъ отчаяніемъ) Ну почему, почему такъ случилось, почему именно со мной. Кричать хочется, рыдать какъ дѣвочка, которую незаслуженно поколотили (плачетъ беззвучно). Прощай, Викторъ. Уходи.

Викторъ. Позволь остаться, тебѣ нельзя быть одной. Ты черезчуръ взволнована... Надо успокоиться, найти выходъ.

Нелли. Уходи, ради Бога, уходи скорѣе...

Викторъ. Разрѣши навѣстить тебя утромъ...

Клавдія. На что, почему еще?

Викторъ. Какъ другу, помочь.

Клавдія. Не надо, не надо ничего, совсѣмъ... Я ничего отъ тебя не приму больше...

Викторъ. Я знаю, ничѣмъ не сглажу своей вины.

Клавдія. Викторъ, неужели ты такъ не чутокъ... Неужели и теперь не чувствуешь, что все лишне, твои слова, твоя навязчивость... Оставь меня, уйди.—

Викторъ. Повинуюсь... (идеть къ выходу).

Нелли. (видя, что Викторъ уходитъ, съ крикомъ бросается къ нему, съ послѣднимъ отчаяніемъ ловить его руки, прижимается къ нему, цѣлуетъ съ лихорадочной торопливостью...) Стой, Викторъ, еще мгновенье, еще хоть минуту будь мой. Дай взглянуть на тебя въ послѣдніи разъ... Не забыть лицо твое, вотъ эту морщинку на лбу. Дай взглянуть въ глаза твои, дорожкіе, столь родные, знакомые, дай коснуться рукъ твоихъ... Не тронь меня, не тронь, стой какъ изваяніе, какъ богъ, недвижимъ... Я хочу молиться тебѣ. Все таки ты единственный подарилъ мнѣ любовь, тебѣ я повѣрила, тебѣ моему богу безжалостному, безъ состраданія.

Викторъ. (притягиваетъ къ себѣ) Мой печальный, мой нѣжный другъ.

Нелли. Не ласкай, не цѣлуй, не смѣй болѣе... Ты не долженъ приближаться ко мнѣ. Я не смогу, не смогу выдержать. Уходи. Прощай. (Проводитъ Виктора къ дверямъ).

Явленіе 4 е.

Нелли. (одна. Садится. Голова падаетъ на руки, плачетъ неслышно, плечи судорожно вздрагиваютъ. Послѣ паузы, медленно идетъ къ шкафчику, шепча невнятные слова) Кончилось, кончилось... все.. жизнь кончена... не медлить.. не дрогнуть.. да, да (идеть къ шкафчику достаетъ флаконъ съ ядомъ—послѣ минутнаго колебанія) Господи, спаси и помилуй! (силится открыть флаконъ, но прже чѣмъ она успѣваетъ это сдѣлать, вбѣгаетъ Викторъ).

Явленіе 5-е.

Викторъ. (бросается къ ней) Что ты хочешь сдѣлать? Дай, мнѣ, дай!

Нелли. Снова ты?

Викторъ Нелли будь умницей послушай меня, дай мнѣ

Нелли. Пусти, не дамъ...

Викторъ (хочетъ вырвать изъ ее рукъ флакончикъ, завязывается борьба) Я вырву силой, я все равно не позволю, дай сюда...

Нелли. Я кликну. Клавдію, не смѣешь, не дамъ.

Викторъ. Дай же

Нелли. Негодяй, извергъ, мнѣ больно, пусти не отнимай послѣднее...

- Викторъ** (вырвавъ флаконъ) Я не стою такой жертвы. .
- Нелли.** Верни умоляю, верни.. Вѣдь все равно сегодня завтра, разъ я рѣшила... Дай мнѣ..
- Викторъ** (открываетъ флаконъ, безъ колебанія подноситъ къ носу. Лицо мгновенно скашивается судорогой, руками ловить воздухъ, медленно падаетъ у ногъ Нелли) Передъ тобой, у твоихъ ногъ, я паваю, я хочу искупить... а... а
- Нелли.** (бросается къ нему) Викторъ, Викторъ (пронзительно) Викторъ, что ты сдѣлалъ.
- Викторъ.** (корчась падая все ниже) Тише, не надо слезъ.. видишь, я ухожу, умираю (падаетъ).
- Нелли.** (Нѣкоторое время стоитъ надъ трупомъ, какъ окаменѣвшая, затѣмъ молча опускается на колѣни передъ нимъ, долго пристально, словно гипнотизируя вглядывается въ его черты, тихо, нѣжно гладитъ лицо, волосы и вдругъ со скрюченными пальцами, какъ вампиръ, всливается въ его грудь, ищетъ, шаситъ что то на немъ, повторяя полусознательно) Викторъ, я хотѣла видѣть твое сердце, я хотѣла видѣть твое сердце... (Свѣтъ луны озаряетъ ихъ длинной бѣлой полосой. Въ комнатѣ тихо).

З а н а в ѣ с ѣ .

(Авторскія права охраняются Петроградскимъ союзомъ музыкальн. и драматич. писателей. Николаевская, 20).

ИМ № 95

50K

T2020
1920

Цѣна 25 руб.

~~50~~